

О СООТНОШЕНИИ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА В СИСТЕМЕ ИМЕНИ

(На материале старофранцузского языка)

Д. ЧЕБЯЛИС

Более или менее четкое выделение морфологии и синтаксиса в индоевропейских языках лингвистами обычно признается возможным¹. Но соотношение этих двух языковых планов не является постоянной константой и резко меняется в течение времени.

Именные элементы в предложении, находящиеся в каких-либо отношениях друг с другом, могут быть либо сочинены (*coordonnés*), либо подчинены (*subordonnés*), либо могут находиться в предикативной связи между собой (*sujet-verbe*). Сочинение в латинском языке выражалось в основном в согласовании по падежу, роду и числу именных элементов: *mihi mihi incertum, atrox clamor et repente quies...* (Tacitus, *Annales* I, 25, 2); *Percennius et Vibulenus... largientur* (Т., *Ann.* I, 28, 4). Расположение в предложении ряда слов или членов предложения иногда может быть уточнено наличием сочинительного союза. Форма самого слова, отражающая те или иные морфологические категории имени, играет решающую роль для установления их взаимосвязанности или незвязанности. Связь между ними осуществляется на уровне морфологии и лишь отчасти на уровне синтаксиса благодаря контексту.

Подчинение и предикативная связь в латинском языке выражались исключительно формой самого слова: *Arminius colligi suos monit repente* (Т., *Ann.* I, 63, 1); *pars equitum litore Oceani...* (Т., *Ann.* I, 63, 3). В приведенных примерах предикативная связь и подчинение выражены в первую очередь парадигматическими показателями на уровне морфологии. Таким образом в латинском языке сочинительная связь осуществлялась в основном на уровне морфологии, а подчинительная и предикативная — лишь на уровне морфологии.

В старофранцузском языке выражение сочинительной связи также отчасти заключается в форме слов, та или иная связь между ними устанавливается скорее на уровне морфологии, чем на уровне синтаксиса, например, *s'espee rent e sun elme e sa bronie* (*Chanson de Roland* 2573); *morz est*

¹ Ср., например, *Actes du Sixième Congrès international des linguistes*, Paris, 1949.

Rollant eli guens Oliver, li. XII. per, que Carles aveit tant cher (R. 2794). Зато в выражении предикативной связи и подчинения в старофранцузском происходят значительные сдвиги. Если согласиться с Ф. де Соссюром², что морфология представлена в лингвистическом выражении, главным образом, формой, а синтаксис является ее функцией, то нужно сразу отметить, что эти сдвиги касаются в основном формы слов, а их функция остается той же. Следовательно, нужно установить, к какому уровню относятся изменения, происшедшие в лингвистическом выражении предикативной связи и подчинения в старофранцузском.

Подчиненность именных элементов выражалась в латинском языке исключительно богатой флексией. В старофранцузском, как известно, вся эта разнообразность именной флексии была сведена к двум числам, двум грамматическим родам, двум падежам и к двум типам склонения (равносложные и неравносложные слова). Морфологические способы выражения отношений между словами были заменены совершенно другими. Среди этих новых способов преобладающими являются предложные конструкции при частом отсутствии морфологических показателей в привычном смысле. Сами предлоги не имеют ни морфологических черт, ни морфологических категорий, ни парадигматических звеньев с другими морфемами. К морфологии они относятся обычно лишь как группа слов, имеющих общие функциональные черты и составляющих одну часть речи. Например, *d'Espagne les baruns* (R. 848); *de cels de France virent les gunfanuns* (R. 858); *icil ert frere al rei Marsiliun* (R. 880). Но принцип предложной конструкции сам по себе является синтаксическим, так как предлоги, будучи сначала самостоятельными словами в предложении, т.е. носителями своего собственного значения и ударения, теряют эти качества и развиваются по направлению становления чисто формальными признаками для указания на связь между словами³. Следовательно, взамен морфологическому характеру выражения связи подчиненности среди именных элементов в латинском языке пришел иной способ выражения такой же связи в старофранцузском, относящийся к другому уровню — синтаксическому.

Подчиненность в старофранцузском может быть выражена не только предложными конструкциями и порядком слов, но также и незначительными остатками именной флексии. Подчинительная связь между прилагательным и существительным, к которому оно относится, осуществляется еще при помощи морфологических категорий. Порядок слов касается, правда, лишь генетивно-дательных отношений, именуемых обычно отношениями принадлежности⁴. Например, *la tere lur seignur* (R. 819); *la cambre sum pedre* (Alexis 711); *la femme lu rei Hugon* (Pèlerinage 822); *en un bruill par sum les puis remestrent* (R. 714). Связь между словами выражена здесь лишь их соответствующим положением в предложении, а именно, определяющее слово

² F. de Saussure, *Cours de linguistique générale*, Paris, 1955, pp. 185—186.

³ Ср., например, G. Gougenheim, *Morphologie et fonctions grammaticales*, *Journal de psychologie normale et pathologique*, 1959, pp. 417—426.

⁴ Кр. Nyrop, *Grammaire historique de la langue française*, Copenhagen, vol. V, 1959, p. 417—426.

следует за определяемым при почти полном отсутствии каких-либо морфологических показателей, где они играют лишь второстепенную роль. Если не считать вслед за Ж. Вандриесом⁵ порядок слов морфемой, то можно утверждать, что установление взаимоотношений между именными элементами и в этом случае происходит не на уровне морфологии, а на уровне синтаксиса.

Несмотря на богатую флексию, морфологические показатели в системе имени не являлись до конца дифференцированными в латинском языке, т.е. одни и те же показатели могли служить для выражения различных синтаксических функций, например, в 1-ом склонении окончания -а и -ае, или номинатив и аккузатив среднего рода во всех склонениях, и т.д., но в общих чертах следование членов предложения было весьма свободным. Расположение слов в латинском предложении не играло синтаксической роли. Морфологические показатели сводятся к минимуму в старофранцузском, где к концу XIV в. члены предложения уже не имеют никаких формальных признаков для очерчения своих контуров. Классический латинский пример *Petrus Paulum fert* в начале старофранцузского периода может иметь форму *Pieres Paul fert* (ср. *Joseps Pilat mult per preiat, Passion du Christ 341*), где взаимное расположение членов предложения еще не было фиксировано, но в конце того же периода, благодаря полному распаду именного склонения и установлению определенного следования членов предложения, он может иметь лишь следующую структуру: *Pierre fert Paul*. Выражение предикативной связи в именном элементе теряет всякий формальный характер и осуществляется лишь при помощи твердо установленного порядка слов. Следование *sujet – verbe – complément d’objet direct* было явно преобладающим в старофранцузском, в новофранцузском оно не становится единственно возможным, но к концу старофранцузского периода предикативная связь в именном элементе выражалась в основном уже порядком слов.

Следовательно, предикативная связь для именного элемента осуществляется исключительно на уровне синтаксиса, где морфологические категории (род, число) играют лишь вспомогательную и уточняющую роль. На этом уровне независимость именного слова получает своеобразный характер. С одной стороны, слово теряет способность изменить свою форму, а вместе с этим как будто и свою автономность, поскольку сама его форма вообще не указывает на какие-либо отношения, с другой же стороны, слово, не подвергая своей формы различным изменениям, может выражать большое количество функций и приобретает тем же сравнительно большую автономность, которая подчиняется лишь законам синтаксиса. По всей вероятности, структура французского имени уже в старофранцузском может быть определена не описанием морфологических парадигм, а скорее анализом синтаксической структуры самого предложения.

В системе имени старофранцузского языка морфологические факторы, пережившие некоторый подъем развития, постепенно сводятся к минимуму. Синтаксические же факторы приобретают все больший вес и вскоре становятся

⁵ J. V e n d r i e s, *Le langage*, Paris, 1921, p. 93.

преобладающим. Таким образом, в старофранцузском языке развитие системы имени целиком определяется влиянием высшего уровня — синтаксиса — на низший — морфологию.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v. universitetas
Prancūzų kalbos katedra

Įteikta
1963 m. rugsėjo mėn.

APIE MORFOLOGIJOS IR SINTAKSĖS SANTYKĮ VARDAŽODŽIO SISTEMOJE

(Remiantis senosios prancūzų kalbos medžiaga)

D. CEBELIS

R e z i u m ė

Vardažodiniai elementai, tarp kurių yra vienoks ar kitoks ryšys, gali būti sakinėje sujungti (coordonnés), prijungti (subordonnés) arba predikatyviniame santykyje vienas su kitu (sujet-verbe). Sujungimas lotynų kalboje galėjo būti nusakytas jungtuku arba derinant vardažodinius elementus linksniu, gimine ir skaičiumi. Taigi, sujungiamasis ryšys tarp vardažodžio elementų realizuojamas morfologiniame ir tik iš dalies sintaksiniame lygyje. Prijungimas ir predikatyvinis santykis lotynų kalboje reiškiami išimtinai morfologinėmis kategorijomis morfologiniame lygyje.

Senoje prancūzų kalboje sujungimas taip pat dažniausiai buvo reiškiamas morfologiniame lygyje. Prijungime gi ir predikatyvinio ryšio reiškime įvyko žymūs poslinkiai. Morfologinės vardažodžio kategorijos sumažėjo iki minimumo, atsirado nauji faktoriai: prielinksninės konstrukcijos ir žodžių tvarka, kurie jau pačia savo prigimtimi priklausė sintaksei. Morfologinių kategorijų likučiai vardažodžio sistemoje (skaičius, giminė, linksnis) atlikdavo tik patikslinantį vaidmenį. Prijungiamasis ir predikatyvinis ryšys senoje prancūzų kalboje realizuojami jau vien tik sintaksiniame lygyje. Vadinasi, senojo periodo pabaigoje vardažodžio sistemoje sintaksinis lygis visiškai nulėmė žemesnio — morfologinio — lygio vystymąsi.
